

ЛОДОВИКО АРИОСТО

ПОДМЕНЕННЫЕ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Н. Георгиевской

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кормилица.
Полимнеста, дочь Дамоне.
Клеандр, доктор прав.
Павифило, парасит.
Эрострато, юноша.
Дулипо, его слуга.
Крапино, слуга.
Сиенец.
Слуга сиенца.
Карионе, слуга.
Дално, повар.
Дамоне.
Неббья, слуга Дамоне.
Пситерия, служанка.
Фнлогонно, купец, отец Эрострато.
Феррарец.
Лико, слуга.

Действие происходит в Ферраре.

ПРОЛОГ

Итак, мы собрались здесь, чтобы представить вам новую комедию. Называется она «Подмененные», ибо она полна всяких подмен. Думаю, что вам доподлинно известно не только из комедий, но и из истории, что такие подмены с детьми нередко случались. Быть может, среди вас найдутся люди, которые испытали это на собственном опыте. Но то, что стариков подменивают на молодых, вам может показаться новым и необычным. Случается, однако, что и старики подменяют друг друга, это вы узнаете из предлагаемой вам новой комедии. Прошу вас, любезные зрители, не гневаться и не сердаться. Некоторые до того свободно чувствуют себя в ином обличье, что сам Элефантид, знаменитый автор сластолюбивых сочинений, да и другие авторы не смогли бы до этого додуматься. Здесь же среди всевозможных подмен есть такие, где слуга подменяется хозяином, а хозяин — слугой. Автор должен сознаться, что в этом отношении он следовал Плавту и Теренцию. Вспомните, как первый подменил Керес Дором, а второй — Филократа

Тиндаром и Тиндара Филократом. Один сделал это в «Евнухе», другой — в «Пленниках». Автор стремился не только изобразить нравы, но и по мере сил следовать примеру античных и прославленных поэтов в выборе сюжета. Подобно тому как эти прославленные авторы следовали Менандру, Аполлодору и другим грекам в своих латинских комедиях, так и автор на своем «volgarе» не хотел избежать примера писателей, пишущих по-латыни. Я уже сказал, что из «Евнуха» Теренция и «Пленников» Плавта он частично заимствовал сюжет для своих «Подмененных», но сделал это столь скромно, что сами Теренций и Плавт не только не осудили бы его, но даже объявили бы его комедию скорее поэтическим подражанием, чем плагиатом. А посему, встретит ли комедия у вас одобрение или нет, я отдаю ее на ваш справедливый суд и нижайше прошу не делать своего заключения, прежде чем вы толком не ознакомитесь с новым для вас сюжетом, который шаг за шагом будет перед вами разворачиваться. И если достойный прием вы оказали другой его пьесе, названной «Комедией о сундуке», то не отвергайте и эту. Поверьте мне, она вам понравится не меньше.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кормилица, Полимнеста.

Кормилица. Никого не видно. Выйдем-ка, Полимнеста, на улицу, там уж нас никто не подслушает, а если и появится какой любопытный, то мы тотчас его заприметим. Сдается мне, что в нашем доме и кровати, и сундуки, и стены имеют уши.

Полимнеста. Даже печные торшки и сквозородки.

Кормилица. Нечего зубы скалить. Клянусь богом, тебе не мешает быть поосторожней. Тысячу раз я тебе твердила — остерегайся, чтобы тебя видели с Дулипо, не разговаривай с ним.

Полимнеста. Почему с другими можно, а с ним нельзя?

Кормилица. На твое «почему» мне уже отвечать надоело. Видно, ты хочешь настоять на своем и погубить и себя, и меня, и Дулипо.

Полимнеста. Неужели и вправду нам грозит такая большая опасность?

Кормилица. Вот сама увидишь. А ведь ты должна радоваться и благодарить меня за то, что я помогла вам провести эту ночь вместе. Признаться, большой охоты вам помогать у меня не было. Ох, если бы ты отдала свое сердце любви более достойной, чем эта. Обидно, что ты пренебрегла столькими благородными юношами, которые любили тебя и хотели взять в жены, и выбрала слугу своего отца. Один срам, да и только!

Полимнеста. А кто в этом виноват, как не ты, кормилица? Ты же сама расхваливала мне то его красоту,

то благородные манеры, уверяла, что он без памяти влюблен в меня. Ты беспрестанно умоляла меня пожалеть его, быть с ним ласковой, всячески старалась разжечь мою любовь. Вот ты и преуспела.

Кормилица. Что правда, то правда. Сперва я говорила тебе о нем из жалости. Ведь он просто прохожу мне не давал бесконечными своими мольбами.

Полимнеста. Уж признайся, что выгода и подарки смягчили тебя, а вовсе не сострадание.

Кормилица. Думай как хочешь. Будь, однако, уверена, знай я наперед, что из этого выйдет,— ни жалость, ни выгода, ни мольбы, ни все блага мира не заставили бы меня замолвить за него слово.

Полимнеста. А кто в первую же ночь привел его ко мне в спальню, разве не ты? Ведь ты же? Так уж лучше молчи, честью тебя прошу, не то мне придется сказать тебе несколько обидных слов.

Кормилица. Ох, выходит, что я причина всех бед!

Полимнеста. Вернее, всех радостей. Знай же, милая кормилица, что я люблю не Дулипо, этого слугу. В сердце моем живет более достойная любовь, чем ты думаешь. Однако сейчас я не скажу тебе больше ни слова.

Кормилица. Я рада, что намерение твое изменилось.

Полимнеста. Напротив, вовсе не изменилось и не будет меняться.

Кормилица. Тогда что же все это значит?

Полимнеста. Только то, что я люблю не Дулипо, слугу, и что я не изменила и не собираюсь менять своего намерения.

Кормилица. Одно как-то не вяжется с другим. Ничего не понимаю. Говори прямо.

Полимнеста. Ничего я тебе не скажу. Я дала клятву молчать.

Кормилица. Боишься, что я вас выдам? И это ты, которая доверяла мне свои тайны, касающиеся твоей жизни и чести? А теперь не желаешь поделиться тем, что ни в какое сравнение не идет с секретами, которые ты мне поверяла прежде?

Полимнеста. О нет, дело это гораздо серьезнее, чем ты полагаешь. Я охотно все расскажу, если ты не только дашь слово молчать, но даже и виду не подашь,

будто что-нибудь знаешь. Ибо никто не должен заподозрить, что тебе все известно.

Кормилица. Клянусь, можешь смело говорить.

Полимнеста. Знай же, что тот, кто именует себя Дулипо,—благороднейший сицилиец, настоящее его имя—Эрострато. Он сын Филогоио, одного из богатейших людей этого края.

Кормилица. Как! Эрострато? Тот Эрострато, сосед наш, который...

Полимнеста. Тс... тс... молчи и слушай. Сейчас все разъясню. Тот, кого ты принимаешь за Дулипо, на самом деле, как я уже сказала, зовется Эрострато. Он приехал в наш город учиться. Не успел он сойти с лодки, как на Виа Граиде повстречался со мной и с первого взгляда влюбился. Он вспыхнул ко мне такой страстью, что мигом изменил свое намерение, забросил книги и длинную одежду, решив, что я ему дороже всякого ученья. Для того же, чтобы чаще со мной встречаться и без помехи разговаривать, он обменялся платьем и именем со своим слугой Дулипо, которого привез из Сицилии. Таким-то образом он в первый же день приезда сюда из Эрострато-хозяина и студента превратился в Дулипо-слугу и все прочие науки сменил на одну науку любви. А еще через несколько дней он хитростью устроился слугой к моему отцу.

Кормилица. И ты уверена, что все это правда?

Полимнеста. Святая правда. С другой стороны, Дулипо, принявший имя Эрострато, не только разгуливает в одежде своего хозяина, но и проходит весь курс наук, положенный школяру, причем особенно преуспел он в науках словесных. В общем, он превратился в настоящего сына Филогоио.

Кормилица. А разве нет тут сицилийцев, которые могли бы его опознать и раскрыть?

Полимнеста. Ну, нет, сицилийцы у нас редкие гости. Да и вообще приезжих бывает мало.

Кормилица. Твое счастье. Однако как же твой школяр, который превратился из Эрострато в Дулипо, сможет просить тебя в жены?

Полимнеста. Что-нибудь придумаем. Главное сейчас—расстроить планы этого несносного закоиника в

огромию берете, который жаждет на мне жеиться и каждую минуту об этом напоминает. О горе, не он ли идет сюда? Нечего сказать, хорош муженек! Лучше уж монастырь.

Кормилица. И то правда. А вот и он легок на помине. Боже, до чего же ужасен этот влюбленный старик!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Клеандро, Пазифило.

Клеандро. Пазифило, ты заметил этих людей, что торчали тут перед дверью?

Пазифило. Да, мудрейший Клеандро. А разве среди них ты не заметил свою Полимнесту?

Клеандро. Ужель это была Полимнеста? Честное слово, я не узнал ее.

Пазифило. И не удивительно. Воздух иныче тяжелый и деиь туманный. Я скорее признал ее по платью, чем по лицу.

Клеандро. Меня утешает, Пазифило, то, что для своего возраста я выгляжу очейь прилично, и, знаешь, чувствую себя так, будто мне всего двадцать или тридцать лет.

Пазифило. А чего ж тут удивительного? Разве ты старик?

Клеандро. Ведь мне пятьдесят шесть.

Пазифило. Десяток годов слизнул!

Клеандро. Кажется, ты сказал, что мне можно дать лет на десять меньше?

Пазифило. Да, я полагал, что ты моложе лет на десять. С виду тебе от силы тридцать шесть — тридцать восемь.

Клеандро. И тем не менее мне ровно пятьдесят шесть.

Пазифило. Ты в расцвете сил, а с твоими повадками ты проживешь до ста лет. Дай посмотреть твою руку.

Клеандро. Ты что, хиромант?

Пазифило. Да уж лучшего не сыщешь! О, какая прекрасная, чистая линия! Никогда не видывал такой длинной! Ты проживешь дольше Мельхиседека.

Клеандро. Мафусаила, хотел ты сказать.

Пазифило. А я-то думал, что это один черт.

Клеандро. Вижу, ты не очень-то большой знаток Библии.

Пазифило. О нет, отменный, только моя Библия — бочка вина. А как хорош этот холмик Венеры! Однако здесь не совсем удобное место. Давай займемся этим завтра, на досуге, и я порасскажу тебе такое! Поверь, ты будешь в восторге.

Клеандро. О, ты сделаешь мне великое одолжение. А вот ответь-ка мне: кто, по-твоему, более по сердцу Полимнесте — я или Эрострато?

Пазифило. Спору нет, ты. Она девица разумная и отлично понимает, какое займет положение, став твоей женой. А на что она может надеяться, выйдя замуж за этого школяра, который одному богу известно что собой представляет на родине?

Клеандро. Здесь он корчит из себя важного барина.

Пазифило. Да, потому только, что никто с него спесь не собьет. Пусть пыжится сколько влезет. Твоя добродетель стоит больше, чем вся Сицилия с потрохами.

Клеандро. Не подобает мне хвалить себя. Но все же, говоря по чести, мои знания — в случае нужды, — конечно, куда ценнее, чем даже то добро, которое я приобрел до сих пор. Когда турки взяли Отранто, я бежал оттуда в одном кафтане и попал в Падую, а оттуда уже сюда. Здесь я читал лекции, вел судебные дела, давал советы и на протяжении двадцати лет приобрел состояние тысяч в десять дукатов, а может, и более.

Пазифило. Вот это и зовется подлинной добродетелью. Что философия? Что музы? Все науки по сравнению со сводом законов кажутся мне пустой болтовней.

Клеандро. Правильно, Пазифило, ты хорошо сказал — именно болтовней: *unde versus: opes dat sanctio Iustitiana: Ex aliis paleas, ex istis collige grana.*

Пазифило. Вот здорово! Кто автор? Вергилий?

Клеандро. Какой там Вергилий! Это из нашей превосходнейшей глоссы.

Пазифило. О, сколь она прекрасна, глубока и моральна! Достойна, чтобы ее начертать золотыми буквами. Кстати, ты ведь должен был здесь приобрести гораздо больше, нежели оставил в Отранто?

Клеандро. Я утроил свое состояние. Правда, я потерял там своего пятилетнего сына. Он был мне дороже всего на свете.

Пазифило. Ах, какая поистине ужасная утрата!

Клеандро. Не знаю, жив ли он, все ли еще находится в плену...

Пазифило. Я тебе так сочувствую, Клеандро, готов хоть сейчас расплакаться! Но успокойся, от Полимиесты у тебя будут другие дети.

Клеандро. А что ты думаешь насчет проволочек Дамоне?

Пазифило. Тут все понятно: как отец, он задался целью выгодно пристроить дочь. Прежде чем дать согласие, он хочет все прикинуть и все сообразить. Но можешь не сомневаться, в конце концов дело решится в твою пользу.

Клеандро. А ты намекнул Дамоне, что я собираюсь дать ему за дочь две тысячи золотых дукатов?

Пазифило. Уж конечно, не преминул.

Клеандро. Что же он тебе ответил?

Пазифило. Только то, что Эрострато предлагал ему такую же сумму.

Клеандро. Как же Эрострато мог обещать ему такую сумму, если он сын слуги?

Пазифило. Ужели ты думаешь, что я оказался таким простофилей и не напомнил ему об этом? Не бойся. твой соперник получит Полимиесту разве только во сне.

Клеандро. Ступай же, дорогой Пазифило, и постарайся принести утешительные для меня вести. Отыщи Дамоне и скажи, что я домогаюсь лишь его дочери, а на приданое не льщусь. Я сам одарю его и, коли двух тысяч дукатов покажется ему мало, прибавлю еще пятьсот и еще тысячу — словом, дам столько, сколько ему заблагорассудится. Ступай же и устрой это дело. Я на тебя полагаюсь. Потерять Полимиесту для меня равносильно смерти. Не задерживайся. Беги, лети!

Пазифило. А где я тебя потом найду?

Клеандро. Дома.

Пазифило. В котором часу?

Клеандро. В любое время. Я пригласил бы тебя к обеду, но накануне святого Николая, которого весьма чту, я соблюдаю пост.

П а з и ф и л о (в сторону). Если он будет часто поститься, то я, того и гляди, подохну с голодухи.

К л е а н д р о. Послушай...

П а з и ф и л о (в сторону). Пусть тебя мертвецы слушают, ведь они тоже постятся!

К л е а н д р о. Ты слушаешь меня?

П а з и ф и л о (в сторону). Черта лысого буду я тебя слушать!

К л е а н д р о. Не сердись, что я не пригласил тебя пообедать. Так и быть, пойдем, ты разделишь со мной постный обед.

П а з и ф и л о. Может быть, ты воображаешь, что мне негде поесть?

К л е а н д р о. Да что ты, мне это и в голову не приходило, дорогой Пазифило.

П а з и ф и л о. Будь уверен, мне есть к кому пойти.

К л е а н д р о. Охотно верю. Однако знай, что нигде тебя так радушию не примут, как у меня в доме. Итак, приходи.

П а з и ф и л о. Ладно, приду, раз зовешь.

К л е а н д р о. Постарайся принести хорошие вести.

П а з и ф и л о. А ты похлопочи, чтобы обед был вкусней.

К л е а н д р о. Остаешься доволен.

П а з и ф и л о. А ты будешь доволен моими вестями.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

П а з и ф и л о, один.

— Ну и ничтожество! Ну и скупердяй! Ишь, собака, под предлогом поста хотел увильнуть от обеда, бонится, что я объем его! Чертова кукла, сам себе закатывает роскошные пиршества, а я еще должен быть ему благодарен за какие-то объедки! Мало того, накрывают стол с превеликой пышностью, а еду подают разную: ему одну, мне другую. Никогда он не давал мне того вина, которое сам пьет, и того хлеба, что сам ест. Не говорю уже о том, как ему изящно подают, а мне швыряют, будто собаке. И при этом небось думает, что, пригласив меня к обеду или к ужину, он этим

самым искупает все неприятности, которым я из-за него подвергаюсь. Пожалуй, кое-кто воображает, что в иных случаях он бывает щедрее. По правде сказать, за все шесть-семь лет, что я знаком с Клеандро и оказываю ему услуги, я ломаного гроша от него не видел. Ему кажется, что он одаряет меня, если порой, да и то сквозь зубы, бросит мне несколько слов. О, когда б я не зарабатывал себе на жизнь в другом месте, хорош бы я был! Впрочем, я как бобер или выдра, которые живут то на земле, то в воде: где найду кормушку поприличнее — там и живу. С Эрострато я не менее услужлив, чем с Клеандро. Кто меня лучше накормит, тому я и друг. Я так ловко умею ладить с обоими, что, когда один видит меня с другим или узнает о том, что мы виделись, ни капли во мне не сомневается, ибо я легко заставляю его поверить, что делаю это с единственной целью выведать у противника его секреты. Все, что мне удастся разнюхать, я передаю и тому и другому. Так собираюсь я достигнуть цели: тот, кто останется победителем, по-царски вознаградит меня. А вот и Дулипо, слуга Дамоне. Надо узнать, дома ли хозяин. Куда ты идешь, любезный Дулипо?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П а з и ф и л о, Д у л и п о.

Д у л и п о. Ищу человека, который захотел бы пообедать с моим хозяином. Он один за стол не любит садиться.

П а з и ф и л о. Брось свои поиски. Перед тобой человек, который способен составить компанию твоему хозяину. И сделает это лучше, чем кто-либо другой.

Д у л и п о. Хозяин не приказывал отыскивать столько едоков зараз.

П а з и ф и л о. Почему — столько? Я приду один.

Д у л и п о. Ты один стоишь десяти.

П а з и ф и л о. Ну, это в обычае слуг — ненавидеть всех друзей своего хозяина.

Д у л и п о. А хочешь знать почему?

П а з и ф и л о. Да потому, что у них крепкие челюсти.

Дулипо. И длинный язык.

Пазифило. Язык? Какую же неприятность причинил тебе мой язык?

Дулипо. Я шучу, Пазифило. Ступай, да смотри не опаздывай. Хозяин уже садится за стол.

Пазифило. Он так рано обедает?

Дулипо. Кто встает рано, тот и обедает рано.

Пазифило. Вот с таким человеком я бы охотно поселился в одном доме. Последую твоему совету.

Дулипо. Да принесет он тебе пользу!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дулипо, один.

— Грустен и печален будет мой рассказ. Ради удовлетворения страстных своих желаний решил я обменяться со своим слугой одеждой и именем и пойти в услужение в этот дом. Я думал: как хлеб утоляет голод, вода — жажду, холод снижает жар, так и мое любовное пламя от постоянных встреч с Полимнестой, частых бесед с нею, тайных еженощных объятий постепенно угаснет. Но увы! Из всех человеческих страстей одна любовь ненасытна. Вот уже два года, как я под видом слуги Дамоне служу Амуру и благодаря его милостям достиг всего, чего только может пожелать самый удачливый любовник. Казалось бы, среди такого избытка радостей я должен чувствовать себя богатым и пресыщенным, я же несчастен и полон желаний, как никогда. О горе! Что станет со мной, если ради Клеандро ее отнимут у меня? Ведь он с помощью этого назойливого паразита хочет сделать ее своей женой. Тогда я лишусь не только ночных утех, но даже и бесед с ней. Он будет ревновать ее и даже птицам не позволит любоваться ею. У меня явилась надежда разрушить все планы Клеандро, после того как мой слуга, взяв мое имя и одежду, стал его соперником. Но гнусный старикашка изыскивает все новые способы, дабы склонить Дамоне к исполнению его желания. В отместку мой слуга собирается расставить западню этому коварному лису. Право, не знаю, что Эрострато задумал. Сегодня утром я его еще

не видел. Пойду выполню поручение хозяина. Может, мне удастся встретить Эрострато в доме или еще где-нибудь. Если он и не облегчит любовных моих мучений, то хотя бы подаст некоторую надежду. А вот, никак, по дороге бредет его слуга.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дулипо, Крапино.

Дулипо. Крапино, ну что Эрострато?

Крапино. Что Эрострато? Жив, здоров. Одевается, корпит над книгами, сорит деньгами.

Дулипо. Ну и олух! Я тебя спрашиваю — ни что он делает, а что он велел передать мне.

Крапино. Устно или письменно?

Дулипо. Вот возьму тебя за волосы да оттаскаю хорошенько. Будешь тогда отвечать мне толком.

Крапино. Чучело ты огородное!

Дулипо. А ну подожди!

Крапино. Времени нет.

Дулипо. Вот догоню сейчас да взгрею!

Крапино. Нет, сперва дай мне фору, у тебя ноги длиннее.

Дулипо. Ну не валяй дурака, Крапино, говори, что с Эрострато?

Крапино. Сегодня на рассвете он вышел из дома и еще не возвращался. Потом я встретил его на площади, и он приказал мне взять вот эту корзину и отправиться туда, где меня будет поджидать Далио. Теперь я возвращаюсь.

Дулипо. Ступай домой и, если увидишь Эрострато, скажи, что мне необходимо с ним поговорить. Впрочем, пожалуй, будет лучше, если и я пойду на площадь. Может, повстречаю его там.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дулипо, Эрострато.

Дулипо. Будь у меня сто глаз, и тех не хватило бы, чтобы разыскать Эрострато! А ведь кого только не встретил я тут! Кажется, все феррарские школяры и доктора собрались! А Эрострато словно сквозь землю провалился. Может, он уже вериулся домой? Ах, вот и он наконец.

Эрострато. Хозяин, ты как раз вовремя.

Дулипо. Послушай, черт тебя побери, называй меня Дулипо и помни раз навсегда, что мы с тобой поменялись ролями.

Эрострато. Пустяки, нас никто не слушает.

Дулипо. По привычке ты можешь легко проговориться, и тогда все пропало. Будь осторожнее. Теперь выкладывай новости.

Эрострато. Новости хорошие.

Дулипо. Ужель хорошие?

Эрострато. Преотличные. Наша взяла.

Дулипо. Какое счастье! Но что произошло?

Эрострато. А вот послушай.

Дулипо. Ну говори же.

Эрострато. Вчера я встретил парасита и после недолгих уговоров повел к себе ужинать. Любезным приемом и всяческим вниманием я так расположил его к себе, что он выболтал все планы Клеандро и Дамоне и даже обещал свою подмогу.

Дулипо. Не очень-то ему доверяйся, он самый лживый и лицемерный человек из всех уроженцев Африки и Крита.

Эрострато. Я знаю ему цену, однако, клянусь, на этот раз все сказанное им сущая правда.

Дулипо. Что же он сказал тебе?

Эрострато. А то, что Дамоне готов выдать дочь за доктора, ибо тот обещал ему две тысячи дукатов.

Дулипо. Так это и есть «наша взяла», те хорошие, даже отменные новости, которые ты собирался поведать?

Эрострато. Обожди, дай закончить рассказ.

Дулипо. Продолжай.

Эрострато. На это я ему ответил, что готов дать не меньшую сумму, чем Клеандро.

Дулипо. О, отличный ответ!

Эрострато. Повремени, ты еще не знаешь, в чем трудность.

Дулипо. Трудность? Разве случилось еще что-нибудь?

Эрострато. Подумай, как я могу, изображая сына Филогоно, без его согласия взять на себя такое обязательство?

Дулипо. Так ведь ты же учился больше моего, тебе и карты в руки.

Эрострато. Ты тоже времени даром не тратил. Хоть в книге, которую ты листал ночи напролет, про это не сказано.

Дулипо. Хватит болтать, давай лучше поговорим о деле.

Эрострато. Я сказал ему, что получил письмо от отца и со дня на день жду его приезда сюда. А потому прошу от моего имени передать Дамоне, чтобы он потянул с браком еще дней пятнадцать, так как я надеюсь и даже считаю несомненным, что Филогоно прекословить не станет. Я его к этому почти подготовил.

Дулипо. Надо радоваться и тому, что жизнь моя продлится еще целых пятнадцать дней! А что будет дальше? Отец мой не приедет, а если даже и приедет, он может не дать согласия. О я несчастный! Будь проклят...

Эрострато. Сегодня утром я оседлал лошадь и выехал из Львиных ворот, чтобы попасть в Полезене по известному тебе делу. Однако мне пришлось от него отказаться, так как подвернулось нечто более выгодное. Когда я миновал По и проехал около двух миль, навстречу мне

попался пожилой человек благородного вида. Рядышком с ним бежали три лошади. Я ему поклонился, он приветливо ответил. Потом я спросил, откуда он едет и куда держит путь. Он сказал, что из Венеции и направляется к себе на родину, в Сиену. Я тут же радостно воскликнул: «Боже, да ты сиенец! Как же ты попал в Феррару?» На что он мне ответил: «Почему же я не могу сюда приехать?» Я опять за свое: «Как! Разве ты не знаешь, какая опасность тебе грозит, если признают в тебе сиенца?» Тогда он, совершенно ошеломленный, останавливается и любезно просит толком все разъяснить.

Дулипо. Не понимаю, к чему ты клонишь.

Эрострато. Выслушай и тогда поймешь.

Дулипо. Продолжай.

Эрострато. Я ему разъясняю: «Видишь ли, дорогой мой сеньор, когда я учился у вас в Сиене, ко мне там весьма ласково и хорошо отнеслись, за что я в свою очередь признателен сиенцам. Поэтому я не хочу допустить, чтобы тебе грозили несчастья, и постараюсь избавить тебя от них. Удивительное дело, неужели ты не знаешь об оскорблении, кое недавно нанесли твои сиенцы посланцам герцога Феррарского, когда те возвращались к себе на родину после посещения вице-короля Неаполя?»

Дулипо. Что за чепуху ты городишь? Какое мне дело до всей этой белиберды!

Эрострато. Говорю тебе, это вовсе не белиберда. Все это имеет к тебе прямое отношение. Слушай.

Дулипо. Хорошо. Говори, что же дальше?

Эрострато. Я продолжаю: «У этих посланцев было несколько породистых жеребцов, обозы с седлами и прекрасной упряжью, драгоценной древесиной, благоуханиями и всякими великолепными и дорогими вещами, которые король Фердинанд посылал в подарок герцогу. Когда посланцы прибыли в Сиену, их задержали на таможне. Никакие документы, бывшие при них, никакие свидетели не могли убедить стражников, что все эти вещи принадлежат герцогу. И вот посланцам пришлось сполна уплатить пошлину, точно владелец их был мелкий купчишка, а не государь».

Дулипо. Может, это и имеет ко мне отношение, но я совершенно не понимаю, куда ты гнешь.

Эрострато. Ну и нетерпеливый же ты! Дай досказать.

Дулипо. Говори, только постарайся покороче.

Эрострато. Так вот дальше: «Узнав об этом, герцог выразил недовольство сенату письменно, а также через своего канцлера, которого он отправил в Сиену нарочию в связи с этим случаем. На это последовал самый грубый и наглый ответ, какой только можно себе представить. После чего герцог вспылал ко всем сиенцам таким гневом и ненавистью, что велел пустить их по миру в чем мать родила и, к великому их позору, изгнать из герцогства».

Дулипо. Как это тебя угораздило придумать такую несусветную ложь?

Эрострато. Вот узнаешь. Ничего нельзя было придумать более кстати.

Дулипо. Ну и чем же все это кончилось?

Эрострато. Ты бы только послушал, какую околесицу я нес, и поглядел бы на мое лицо и жесты, с помощью которых я пытался его убедить.

Дулипо. Тебе я верю больше, чем твоим рассказам. Ведь я не первый день тебя знаю.

Эрострато. Я еще добавил, что хозяева гостиниц, не заявившие властям, что у них проживают сиенцы, приговариваются к огромному штрафу.

Дулипо. Этого еще не хватало!

Эрострато. Человек, о котором я тебе говорю, сперва показался мне не очень сообразительным. Услыхав такое, он мигом поверил оглобли...

Дулипо. Да, действительно, смекалки у него мало, раз он поверил такому вздору. Но подумай, может ли человек не знать, что творится у него на родине?

Эрострато. Ну, это уж проще простого. Оттуда он уехал месяц тому назад, и вполне может статься, что не знает событий последних дней.

Дулипо. Видать все же, что он не очень-то далекий человек.

Эрострато. Думается мне, что совсем недалекий. Наше счастье, что судьба послала нам такого простачка. Слушай же дальше.

Дулипо. Не тяни и быстрее досказывай.

Эрострато. Ну так вот, он, как я уже сказал, по-

вернул оглобли. Я сделал вид, что раздумываю, как ему помочь. Подумал немного и говорю: «Не бойся, милый человек, я нашел верный способ тебя спасти и готов из любви к твоей родине сделать все, чтобы в Ферраре тебя не приняли за сиенца. Ты должен прикинуться моим отцом и поселиться у меня. Я сицилиец из Катаньи, сын купца по имени Филогоно. Таким образом, каждому, кто тебя об этом спросит, ты скажешь, что ты катанец Филогоно, а я — меня зовут Эрострато — твой сын. Я же буду почитать тебя, как родного отца».

Дулипо. Вот дурак! Как это я сразу не сообразил, куда ты клонишь! Ну теперь-то я все понял.

Эрострато. Ну как тебе нравится моя хитрость?

Дулипо. Молодец! Но в твоём плане есть один изъян, который меня страшит.

Эрострато. Какой такой изъян?

Дулипо. Мне кажется почти невозможным, чтобы, будучи здесь и беседуя с разными людьми, он тут же не догадался, что ты его попросту обвел вокруг пальца.

Эрострато. Как это так?

Дулипо. Ведь ему легко скрыть, что он сиенец, и убедиться, что все твои рассказы сплошная ложь.

Эрострато. Верно, так оно и могло бы случиться, если бы я не предусмотрел этого и не предпринял других шагов. Но я его так хорошо обласкал и дома еще обласкаю и буду с ним столь почтителен, что наверняка сумею расположить к себе. А уж тогда расскажу ему все начистоту, без утайки. Он будет последней неблагодарной свиньей, если откажется помочь мне, тем более что, кроме слов, ничего от него и не требуется.

Дулипо. Какие же от него потребуются слова?

Эрострато. А те, что произнес бы Филогоно, будь он здесь. Наверняка он радовался бы предстоящему родству. Сдается мне, что я легко уговорю своего сиенца подписываться именем Филогоно на всех бумагах, обязательствах и даже брачном контракте. Почему не подписаться чужим именем, если он от этого ни чуточки не пострадает?

Дулипо. Только бы наш план удался!

Эрострато. По крайней мере не будем сокрушаться, что сидели сложа руки и не пустили в ход все средства.

Дулипо. Ладно, где же ты этого сиенца оставил?

Эрострато. Я велел ему сойти в предместье и остановиться в оsterии «Корона», ибо дома, как тебе известно, у меня нет ни сена, ни соломы, ни конюшни.

Дулипо. Почему же ты не привел его сюда?

Эрострато. Сперва я хотел поговорить с тобой.

Дулипо. Ты разумно поступил. Ступай же и приведи его домой. Не останавливайся перед расходами. Надо его принять достойно.

Эрострато. Иду. Клянусь, никак, это он сам шествует нам навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Сиенец, слуга сиенца, Эрострато, Дулипо.

Дулипо. Ужели он? Я подожду его здесь. Хочу посмотреть, подходит ли он для того, за кого мы будем его выдавать.

Сиенец. Большие и непредвиденные опасности подстерегают всякого, кто колесит по свету.

Слуга. Что верно, то верно. Коли сегодня утром, когда мы переправлялись через Черное озеро, лодка протекла бы, мы бы все утонули. Ведь никто из нас не умеет плавать.

Сиенец. Да не об этом я говорю.

Слуга. Тогда уж не о той ли грязной луже, что попалась нам на дороге, когда мы возвращались из Падуй? В нее еще два раза окунулся твой мул.

Сиенец. Полно дурачиться. Я говорю о той опасности, что мы здесь едва избежали.

Слуга. Ну, подумаешь, велика опасность повстречаться с человеком, который уведет тебя из оsterии и поселит у себя в доме!

Сиенец. Спасибо доброму человеку, что попался нам по дороге. Но шутки в сторону: остерегайся, да и все вы (слугам) остерегайтесь, говорить, что мы сиенцы, и называть меня иначе, чем Филогоно из Катаньи.

Слуга. Ну и имя! Черт иогу сломит. А эту Кастанью я постараюсь запомнить.

Сиенец. Какую еще там Кастанью? Катамью! Заруби себе на носу — Ка-та-мью!

Слуга. Все равно не запомню!

Сиенец. Тогда помалкивай. Не называй Сиены и вообще держи язык за зубами.

Слуга. Ужель ты хочешь, чтобы я притворился немым, как я уже однажды это сделал?

Сиенец. Болвай! Заткнись и больше ни слова. Что это ты разболтался сегодня. А вот, кажется, и мой сын.

Эрострато. Помни, феррарцы народ хитрый, как бы они по твоему говору и жестам не догадались, что ты вовсе не Филогоно из Катаньи и не мой отец.

Сиенец. Пожалуйста, не беспокойся.

Эрострато. Тебе и всем твоим надо беспокоиться. У вас обязательно распотрошат чемоданы, а может статься, и еще кое-что похуже.

Сиенец. Я всех предупредил. Мои не подведут.

Эрострато. Дома можно притворствоваться меньше. Все мои слуги — уроженцы здешних мест, они никогда не видели ни Сицилии, ни моего отца. А вот и наша обитель. Войдем туда.

Сиенец. Я войду первым.

Эрострато. Честь тебе и место.

Дулипо. Начало как будто доброе... о, если бы продолжение и конец были не хуже. Ужель это мой соперник Клеандро? О скупость, о людская слепота! Дамоне, чтобы только не дать приданого за прелестнейшей и благойравнейшей своей дочерью, хочет сделать Клеандро своим зятем, а между тем по годам ему пристойнее быть свекром! Дамоне любит собственную утробу куда больше, чем дочку, и, чтобы не повредить свою потерей хоть одного флорина, он не очень-то озабочен, что другая останется навсегда пуста... разве что старик наполнит ее своими дублонами. Горе мне! Я глумлюсь надо всем, а ведь мне вовсе не весело.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Карионе, Клеандро, Дулипо.

Карионе. Что заставило тебя, хозяин, в такую пору выйти на улицу? Сейчас в Ферраре не сыщешь ни одного банкира, который не сидел бы в теничке и не попивал винцо.

Клеандро. Я пришел за Пазифило. Хочу пригласить его пообедать.

Карионе. Кажется, в твоём доме шесть ртов, седьмой кошкин, что же останется нам? Малюсенькая щучка фунта на полтора, кастрюля чечевицы да двадцать штукек спаржи, которой наверняка, кроме тебя, никто не отве-
дает.

Клеандро. Боишься, обжора, что тебе не хватит?

Дулипо (в сторону). Не дать ли по носу этому сычу!

Карионе. Наверное, он уже не раз получал.

Дулипо (в сторону). Что я ему скажу?

Карионе. Не думайте, хозяин, я не о себе забочусь. Просто все останутся голодными. А эта неистовая утроба Пазифило так вообще на стенку полезет. Он так прожорлив, что охотно проглотил бы не только тебя, но заодно и кожу и кости твоего мула.

Клеандро. А почему не мясо?

Карионе. Да где ж у твоего мула мясо-то?

Клеандро. Значит, ты виноват, плохо за ним смотрел.

Карионе. Сено и овес виноваты, дороги очень, а денег вы не даете.

Дулипо (в сторону). Кажется, настал мой черед.

Клеандро. Замолчи, пьянчуга, лучше посмотри, не идет ли Пазифило.

Дулипо (в сторону). Коль мне ничего не удастся, я посею между ним и Пазифило такую вражду, что и самому Меркурию их не помирить.

Карионе. А разве нельзя было послать за ним? Зачем самому-то было беспокоиться?

Клеандро. Разумеется, будь вы исполнительными слугами...

Карионе. О, хозяин, признайся, что ты очутился здесь с целью повидать кое-кого другого, а не Пазифило. Уж если ему пришла охота пообедать с тобой, так он, должно быть, уже часок как у тебя дома.

Клеандро. Помолчи, сейчас я узнаю у этого человека, нет ли Пазифило тут, в доме его хозяина. Скажи, любезный, ты не из этого дома?

Дулипо. Да, к вашим услугам, сударь.

Клеандро. Благодарствую. А не скажешь ли ты, сегодня утром Пазифило не приходил к Дамоне?

Дулипо. Приходил. Кажется, он и сейчас у него. Ха-ха-ха!

Клеандро. Чего ты смеешься?

Дулипо. Смеюсь над одним разговором, который он вел с моим хозяином. Впрочем, не всякому будет смешно.

Клеандро. Что же это был за разговор?

Дулипо. Ой, не могу сказать...

Клеандро. А меня этот разговор не касался?

Дулипо. Эх, сударь, сударь...

Клеандро. Ты что, боишься сказать?

Дулипо. Я бы сказал, если бы знал твердо, что ты будешь держать язык за зубами.

Клеандро. Даю тебе слово, буду молчать. Отойдем в сторону.

Дулипо. Если мой хозяин что-либо узнает, беда мне.

Клеандро. Ничего не узнает, говори.

Дулипо. А кто мне за это поручится?

Клеандро. Даю честное слово.

Дулипо. Ну, оно малого стоит. Еврей-ростовщик, пожалуй, не даст под него ни гроша.

Клеандро. А у людей порядочных оно ценится дороже золота и драгоценных камней.

Дулипо. Ты что, взаправду хочешь, чтобы я тебе все сказал?

Клеандро. Разумеется, если дело касается меня.

Дулипо. Да, тебя оно касается больше, чем кого-либо другого. И мне обидно, что такая скотина, как Пазифило, нагло измывается над тобой.

Клеандро. Прошу тебя, скажи, в чем дело?

Дулипо. Я хочу, чтобы ты поклялся всеми святыми, что не разболтаешь об этом ни Пазифило, ни Дамоне, ни вообще кому-либо на свете.

Клеандро. Клянусь. Подожди, я достану письмо.

Карионе (в сторону). Вероятно, какая-нибудь ерундистика, которую Пазифило передал ему от имени той девицы, что совсем вскружила ему голову. Прохвост надеялся немного заработать.

Клеандро. А вот оно, это письмо.

Карионе (в сторону). Ох, никто из них даже не подзревает, до чего он жаден! Тут нужиы клещи, а не слова. Он скорее позволит вырвать себе зуб, чем расстанется с самой мелкой монетой.

Клеандро. Держи. Клянусь, слова никому не скажу, пока ты мне этого не позволишь.

Дулипо. Ладно. Мне обидно, что Пазифило делает из тебя дурака. А ты, как последний простака, веришь, будто он говорит и действует лишь в твоих интересах. Между тем он без конца уговаривает моего хозяина выдать дочь за какого-то заморского школяра по имени не то Россорасто, не то Аросто, право, не знаю. Имя у него какое-то бесовское.

Клеандро. Кто же это? Уж не Эрострато ли?

Дулипо. Вот-вот. Оно у меня все время вертелось на языке. Он говорит о тебе все самое скверное, что только можно себе вообразить.

Клеандро. Кому он говорит?

Дулипо. Дамоне и даже Полимиесте.

Клеандро. Ах, разбойник! Что же он говорит?

Дулипо. Худшего не придумаешь.

Клеандро. О боже!

Дулипо. Он говорит, например, что ты самый скупой и низкий человек, какого только видывал свет, и что Полиместу ты уморишь голодом.

Клеандро. Неужто Пазифило говорит это обо мне?

Дулипо. Правда, на это ее отец мало обращает внимания, зная, что твоя профессия и скаредиость — родные сестры.

Клеандро. Не знаю, кто из нас скряга. Знаю только одно — тот, кто сегодня не имеет состояния, почитается простофилей.

Дулипо. Еще он прибавил, что ты ужасный зануда и упрямец и она с тобой зачахнет.

Клеандро. О лукавый человек!

Дулипо. А по ночам ты только и делаешь, что кашляешь и плюешься, так что и свиньям стало бы тошно.

Клеандро. Никогда не кашляю и не плююсь, враки. Кх... кх... кх... Правда, сейчас я немного простужен. Но кто же здоров в такую погоду?

Дулипо. Слушай дальше. Он еще похуже вещи говорил: что у тебя идет запах от ног и подмышек, а главное, изо рта.

Клеандро. О предатель! Черт возьми... чтоб у меня...

Дулипо. Что ты страдаешь недержанием и у тебя до самых колен висит мешок больше твоей головы.

Клеандро. Уж я хорошеенько отплачу этому негодяю! Слушай, все это бесстыдная ложь, и не будь мы на улице, я бы тебе показал кое-что.

Дулипо. И что ты сватаешься к Полимнесте больше из желания иметь мужа, чем жену.

Клеандро. Как это понять?

Дулипо. Что таким путем ты хочешь привлечь в дом юношей.

Клеандро. Юношей в мой дом? Зачем?

Дулипо. Потому что ты страдаешь некоторой слабостью по тыльной части и ищешь общества желторотых птенцов.

Клеандро. Боже правый, ужель он мог говорить подобные вещи?

Дулипо. И еще великое множество других. Вообще наболтал о тебе всякой всячины.

Клеандро. И Дамоне ему поверил?

Дулипо. Больше, чем символу веры. Он давно отказал бы тебе, но Пазифило умолял его повременить, рассчитывая таким образом выудить у тебя несколько вещей.

Клеандро. О бессовестный негодяй! Выудить у меня... Э, нет, разве что веревку, чтобы его вздериуть.

Дулипо. Могу я быть тебе еще чем-нибудь полезен? Я тороплюсь домой.

Клеандро. Хватит и этого.

Дулипо. Однако поклянись, что ты не скажешь никому на свете, иначе я погиб.

Клеандро. Я уже раз поклялся. А скажи-ка, как тебя зовут?

Дулипо. Меня называют Чтобтысдохом.

Клеандро. Ты местный?

Дулипо. Нет, я из замка недалеко от Пистойи под названием Околей. Прощай, у меня нет больше времени торчать здесь.

Клеандро. О я несчастный! Кому я доверился! Какую весть мне принесли, какого поверенного я нашел!

Карионе. Хозяин, идем обедать. Неужели ты собираешься прождать Пазифило до самой ночи?

Клеандро. Не морочь мне голову, обоих вас следует вздернуть!

Карионе (в сторону). Верно, новости были не из приятных!

Клеандро. Но что за дьявольский аппетит? Вот ненасытный!

Карионе. Ручаюсь, пока я у тебя в услужении, мне придется ходить голодным.

Клеандро. Идем, чума тебя задуши.

Карионе. Пусть лучше чума задушит тебя и всех других сквалыг на свете.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Далио, Крапино, Эрострато, Дулипо

Далио. Сдается мне, что, когда мы доберемся до дому, у тебя в корвине не останется ни одного целого яйца. Однако, что за черт! Куда запропастился этот бездельник? Небось за собаками гоняется или с медведем играет; коли на дороге попадется какая-нибудь чепуха, обязательно рот разинет. А уж если увидит носильщика, крестьянина или еврея, то не преминет учинить какую-нибудь каверзу. Да где же, наконец, этот висельник? Долго ли я буду тебя ждать? Ей-богу, если найду хоть одно разбитое яйцо, сделаю смятку из твоей дурацкой башки!

Крапино. Неужто и отдохнуть нельзя?

Далио. Ах ты тупоумный баран!

Крапино. Если я баран, значит, никогда не буду рогатым козлом.

Далио. Не будь на мне столько груза, я бы тебе показал рогатого козла!

Крапино. Всегда я тебя видел либо пьяным, либо битым.

Далио. Да что с тобой связываться!

Крапино. Трус ты поганый! За глаза ругаешь, а в глаза слова сказать не смеешь.

Далио. Вот возьму и пожалуюсь хозяину: либо пусть даст мне расчет, либо приструнит тебя.

Крапино. Поступай как знаешь, насколько хватит твоей дурацкой фантазии.

Эрострато. Что тут за шум?

Крапио. Вот он собирается поколотить меня за то, что я не даю ему спуска и не позволяю себя бранить.

Далио. Нагло врет. Он дерзит, потому что я тороплю его домой.

Эрострато. Хватит ссориться. Ты, Далио, займись готовкой. Когда я вернусь, скажу, что надо будет зажарить, а что сварить. А ты, Крапио, поставь корзину на кухне и марш за мной.— О, как мне нужен сейчас Пазифило! Куда он запропастился? А вот и мой хозяин. Может, от него я узнаю какие-нибудь новости.

Дулипо. Куда ты девал своего Филогоно?

Эрострато. Оставил дома.

Дулипо. А куда ты сейчас направляешься?

Эрострато. Разыскиваю Пазифило. Не знаешь, где он?

Дулипо. Не знаю. Правда, сегодня днем он обедал с Дамоне, но куда он потом исчез — черт его знает. А зачем он тебе?

Эрострато. Чтобы сообщить Дамоне о приезде моего отца, который готов дать деньги и сделать для нас все, что только возможно. Хочу, чтоб ты видел, сумею ли я добиться того же, что этот олух Клеандро, который прямо на рожон лезет, так ему не терпится сделаться рогатым.

Дулипо. Ступай, дорогой двойничок, и ищи Пазифило, пока не найдешь. Пусть нынче же свершится то, что надобно для нашего торжества.

Эрострато. Но где ж я буду его искать?

Дулипо. Там, где можно полакомиться. Обыкновенно его можно отыскать в мясной лавке или возле рыбного садка.

Эрострато. Что же он там делает?

Дулипо. Высматривает тех, кто покупает окорок, телячью ногу или здорового окуня, чтобы неожиданно нагрянуть к ним и со словами «приятного аппетита» подсесть к столу.

Эрострато. Попробую отыскать его там. Жаль, если не найду.

Дулипо. А потом постарайся со мной увидеться. Я расскажу тебе кое-что. Ты будешь хохотать до упаду.

Эрострато. Над чем?

Дулипо. Над моим разговором с Клеандро.

Эрострато. Рассказывай сейчас.

Дулипо. Не хочу тебя задерживать. Ступай сначала разыщи его.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дулипо, один.

— Любовное состязание между Клеандро и тем, кто носит мое имя, напоминает игру в карты или кости. Ты видишь, что игрок ставит свои последние деньги, он уже столько проиграл, что вот-вот выйдет из игры. Но внезапно судьба ему улыбается, и он выигрывает один куш, потом второй, четвертый — словом, столько, что вновь на коне. А вот перед тобой другой случай: видно, игрок уже обчистил своих партнеров, однако внезапно грома его денег начинает таять, и он попадает в то самое положение, в каком еще недавно пребывали его партнеры. Потом снова удача и снова крах. Итак, по очереди то один, то другой выигрывает и проигрывает. Так продолжается до тех пор, пока кто-то не загребет все деньги, оставляя партнеров чистыми, как зеркальное стеклышко. Сколько раз мне казалось, что противный старика и повержен мною! А сколько раз я чувствовал и себя поверженным! Однако последние дни переменчивая судьба так измотала меня, что сейчас я уже неспособен ни сильно надеяться, ни совершенно отчаиваться. Тот путь, на который толкнуло моего слугу его хитроумие, кажется мне теперь самым надежным. Тем не менее сердце мое в тревоге. Боюсь, как бы неожиданное препятствие не помешало нам. А вот и сам синьор Дамоне.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дамоне, Дулипо, Неббья.

Дамоне. Дулипо!

Дулипо. Что угодно, хозяин?

Дамоне. Ступай домой и скажи Неббья, Моро и

Россо, чтобы шли сюда. Мне необходимо послать их с поручениями. Ты же отправляйся в подвал и в шкаф, где хранятся бумаги, разыщи акт, составленный Липпо Мальпенса на продажу Уго далле Съепи земельного участка под названием Серальо, и этот акт принеси сюда.

Дулипо. Слушаюсь. (Уходит.)

Дамоне. Катись, катись, ты найдешь там нечто совсем иное, чем думал. О я несчастный, доверился другому, как самому себе! О проклятая судьба, пославшая из преисподней этого чертова сына, чтобы обесчестить меня и мой дом! Эй, все сюда ко мне и делайте то, что я вам прикажу! Отправляйтесь вниз, где вы найдете Дулипо, обманным образом приблизьтесь к нему, схватите и веревкой, которую я на этот случай положил на стол, свяжите ему руки и ноги, снесите в маленькую темную каморку под лестницей и оставьте там. Сделайте это быстро, не поднимая шума. Ты, Неббья, исполнив мое приказание, немедленно возвращайся ко мне. Вот ключ. Вернешь его мне.

Неббья. Слушаюсь, хозяин.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дамоне, один.

— О горе мне! Как должен я отомстить за столь тяжкую обиду? Коли я захочу наказать этого злодея, который своим гнусным поведением вызвал мой справедливый гнев, законы и властитель накажут меня, ибо не подобает лицу частному действовать самочинно. А если я пожалуюсь герцогу и его чиновникам, мой позор откроется. Что же делать? Если даже я заставляю этого негодяя претерпеть жесточайшие муки, какие только существуют на свете, все же не сниму позора с моей дочери, а с себя бесчестия. Но кому же я угрожаю мучениями? Я, один я, должен понести наказание, ибо доверил свою дочь попечению этой старой сводни. Коли я хотел уберечь свою дочь, то сам должен был охранять ее, укладывать спать в своей комнате, не держать в услужении юношей, не быть с ней ласковым. О дорогая жена моя, теперь я понимаю, какую понес

утрату, лишившись тебя. Ах, почему за эти три года я не удосужился выдать Полимиесту замуж, когда столько раз мог это сделать? Правда, не столь пышно, но зато вполне пристойно. Я все ждал из года в год, из месяца в месяц, чтобы получше пристроить ее, и вот что получилось! За кого я хотел выдать ее? За богатого синьора? О жалкий, несчастный, опозоренный я человек! Это такая беда, перед которой бледнеют все остальные несчастья! Что значит потеря имущества? Что значит смерть жены и детей? Вот это и есть то истинное горе, которое может убить человека. Меня оно наверняка сведет в могилу. О Полимиеста, моя доброта к тебе, мое милосердие не заслуживают такой жестокой награды!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дамоне, Неббья.

Неббья. Хозяин, твой приказ выполнен. Вот ключ.

Дамоне. Отлично. Теперь ступай к Номико-перуджинцу и от моего имени попроси кандалы, что у него имеются. Да немедленно возвращайся обратно.

Неббья. Иду.

Дамоне. Послушай — если он спросит зачем, отвечай, что не знаешь.

Неббья. Ладно, так и скажу.

Дамоне. Да не проболтайся, что Дулипо схвачен.

Неббья. Не проболтаюсь ни единой живой душой.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Неббья, Пазифило, Пситерия.

Неббья. Просто немисливо распоряжаться чужими деньгами так, чтобы хоть несколько монет да не прилипли к твоим рукам. Удивительное дело, как это Дулипо может так щегольски одеваться, получая столь грошовое жалованье! Теперь я понимаю причину. Он был экономом, ведал вином и всякими припасами, вел расход и приход и

был, что называется, на все руки. Дулипо здесь, Дулипо там. Он любимец хозяина, любимец детей. Все остальные слуги по сравнению с ним просто пустое место. И вот глянь-ка, что с ним нынче случилось! Уж лучше бы он держался скромнее.

Пазифило. Ты прав, он перестарался.

Неббья. Черт возьми, ты-то откуда?

Пазифило. Из вашего дома через черный ход.

Неббья. А я-то думал, ты уже давно испарился.

Пазифило. Сейчас все расскажу. Пообедавши, я отправился на конюшню... чтобы... ты меня понимаешь... и заснул там мертвецким сном, растянувшись на соломе. и вот спал до сей поры. Но куда ты спешишь?

Неббья. По одному делу, которое мне поручил хозяин.

Пазифило. А сказать можешь?

Неббья. Нет.

Пазифило. Больно уж скрытный ты стал. Воображаешь, будто я знаю меньше твоего. О боже, чего я только не насмотрелся! О боже, чего я только не наслушался! О Клеандро, о Эрострато, вы домогаетесь взять в жены невинную девицу! Чего прощай! Оба вы получите желаемое. Правда, Полимнеста уже не совсем то, что вы думаете, но ничего, сойдет. Кто бы мог о ней подумать такое? Спросите у соседей о ее поведении: самая примерная и набожная девица на свете. Дружбу ведет только с монахинями, большую часть дня проводит в поклонах и молитве. Весьма редко появляется в окне или у входных дверей. Не слышно что-то, чтобы она была в кого-нибудь влюблена. Пусть себе здравствует и процветает. Тот, кто возьмет ее в жены, получит больше приданого, чем полагает: парочку длиннющих рожек, а то и больше. Клянусь, мой язык свадьбу Клеандро не расстроит. Наоборот, я всячески буду ей содействовать. Жаль только, что эта проклятая старуха недавно открыла Дамоне весь наш заговор. Ты куда, Пситерия?

Пситерия. Да тут неподалеку, к куме.

Пазифило. Зачем? Небось болтать с ней о похвальном поведении твоей молодой госпожи?

Пситерия. Да что ты, честное слово, нет. А тебе что-нибудь известно?

П а з и ф и л о. Ты же сама мне все рассказала.

П с и т е р и я. Когда же я тебе рассказала?

П а з и ф и л о. А вот когда ты все выложила Дамоне. Я был в таком месте, откуда мог все слышать и видеть. Нечего сказать, хороша же ты! Обвинять бедную девочку и чуть не свести несчастного старика в могилу! Не говоря уже о муках неудачливого юноши и кормилицы и всех других неприятностях, которые обязательно воспоследуют.

П с и т е р и я. Да, зря я все разболтала. Но верь, моя вина не так уж велика, как ты думаешь.

П а з и ф и л о. А чья же тут вина?

П с и т е р и я. Слушай, сейчас я тебе выложу все как на духу. Уже давно я стала примечать, что Дулипо почти каждую ночь проводит с Полимнестой и что помогает им в этом кормилца, да я держала язык за зубами. Но нынче утром кормилица начала меня бранить и даже три раза назвала пьяницей. В конце концов я не выдержала и сказала: «Молчи, молчи, сводница, может, ты думаешь, я не знаю, как ты почти каждую ночь проводишь Дулипо к хозяйке». По правде говоря, я не думала, что меня услышат. Но, на беду, случился тут хозяин и приказал все без утайки ему выложить.

П а з и ф и л о. И ты осмелилась ему все рассказать?

П с и т е р и я. О я глупая! Знай я, что хозяин примет это так близко к сердцу, лучше бы я дала себя убить, чем рассказать ему все!

П а з и ф и л о. Эка важность, что он расстроился!

П с и т е р и я. Переживаю я за эту бедную девочку, которая плачет, и рвет на себе волосы, и так страдает, что просто одна жалость на нее глядеть. И не потому, что отец бил или угрожал ей. Наоборот, опечаленный старик убивался вместе с ней. Полимнеста оплакивает кормилицу и еще больше Дулипо, дела которых не очень-то хороши. Однако мне пора, я тороплюсь.

П а з и ф и л о. Ступай же. Что сделано, того не воротишь.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эрострато, один.

— Что мне делать. злосчастному? Какую причину выдумать в свое оправдание, как скрыть тот удачный обман, который без малейших помех тянулся вот уже два года? Теперь все узнают, Эрострато я или Дулипо, ибо мой прежний хозяин, настоящий Филогоно, неожиданно приехал. Когда я искал Пазифило, кто-то сказал мне, что видел Филогоно, выходящего из ворот Святого Павла. Я пошел на пристань и вдруг вижу, к берегу причаливает лодка. Поднимаю глаза — и что же?.. Прямо на носу лодки мой собрат Лико, а затем и хозяин, который высовывает голову из-под навеса. Я тут же, давай бог ног, бегу к настоящему Эрострато, чтобы посоветоваться и найти в столь внезапном для меня несчастье столь же внезапный выход. Но, в конце концов, что мы можем придумать, если нет времени все обсудить и подготовиться? Его знают как Дулипо, а меня — как Эрострато, сына Филогоно. Эй, Крапино, поди сюда. Беги что есть духу и, прежде чем старуха войдет в дом, попроси ее узнать, там ли Дулипо. Пусть она ему скажет, чтобы он вышел на улицу, ты, мол, хочешь с ним поговорить. Да только не проболтайся, что он мне нужен.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Крапино, Пситерия, Эрострато.

Крапино. О старая... глухая тетеря... ты что, не слышишь, что ли, чучело этакое?

Пситерия. Бог да избавит тебя от старости, чтобы тебе никогда не слышать подобных слов.

Крапино. Узнай-ка лучше, дома ли Дулипо.

Пситерия. На беду, дома. Хотя было бы лучше никогда ему там не бывать!

Крапино. Сделай одолжение, скажи ему, чтобы вышел сюда. Мне надобно с ним поговорить.

Пситерия. Не могу, он занят.

Крапино. Ну пожалуйста, передай ему, моя красавица.

Пситерия. Ах ты насмешник, говорю тебе, он занят.

Крапино. Ну и дурища же ты. Подумаешь, трудно передать?

Пситерия. Чего пристаешь, настырный обжора. Слышал, что нельзя.

Крапино. О ослица распутная!

Пситерия. Чтобы тебя чума взяла, злодей. дождешься, что тебя вздернут.

Крапино. А тебя сожгут, мерзкая ведьма, если прежде тебя рак не сожрет.

Пситерия. Подойди, подойди ко мне, я тебя так палкой обработаю.

Крапино. Вот возьму камень и расшибу твою безмозглую башку.

Пситерия. Ох, на мою беду ты появился. Сдается мне, что сам дьявол меня искушает.

Эрострато. Эй, Крапино, иди-ка сюда. Что ты там пререкаешься? О! А вот и Филогоно, мой настоящий хозяин! Никак, он идет сюда. Не знаю, куда спрятаться. Не хочу, чтобы он видел меня в этой одежде, пока не найду настоящего Эрострато.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Филогоно, феррарец.

Филогоно. Верно ты говоришь, благородный человек, что никакая любовь не может сравниться с любовью отцовской. Коли три года назад мне бы кто-нибудь сказал, что я в свои годы покину Сицилию, я не поверил бы, ибо лишь очень важные дела могли меня заставить это

сделать. А вот теперь, для того чтобы повидаться с сыном и увести его с собой, я пустился в столь многотрудное странствие.

Феррарец. Видно, ты здорово утомился. В твои пожилые годы это не годится.

Филогоно. Вплоть до Анконы я ехал вместе с несколькими моими земляками, благородными людьми, которые по обету направлялись в Лорето. Потом в Аиконе пересел на корабль, в котором находились паломники, и не без некоторых тревог добрался до Равенны. Оттуда до этих мест ехал по суше и устал куда больше, чем за весь предыдущий путь.

Феррарец. А какие по дороге скверные постоянные дворы!

Филогоно. Отвратные. Но и это все пустяки по сравнению с назойливыми таможенниками. Сколько раз они рылись в моем сундуке и сумках. Рылись, переворачивая все вверх дном. Заглядывали и в мои карманы, искали за пазухой. Несколько раз я даже опасался, как бы они не содрали с меня кожу, чтобы поглядеть, нет ли под ней кое-чего, за что можно содрать пошлину.

Феррарец. Я слышал, что на таможне не обходится без больших грабежей.

Филогоно. В этом можешь быть уверен. Я несколько не удивляюсь, ибо тот, кто берется за подобную работу, должен быть разбойником и отъявленным негодяем от природы.

Феррарец. Твоя прошлая доука обернется радостью, когда ты увидишь своего дражайшего сына. Вот одного я не понимаю — почему ты не приказал вернуться домой ему, а сам пустился в путь, терпя неудобства и не имея никаких других дел в этих краях? Ты рисковал жизнью лишь для того только, чтобы не отрывать от ученья сына?

Филогоно. Нет, причина была иная. Я, напротив, хотел, чтобы он оставил ученье и вернулся домой.

Феррарец. Но если ты хотел, чтобы он вернулся, бросив ученье, зачем же ты его посылал сюда?

Филогоно. Когда он находился дома, молодая кровь в нем играла, как это бывает у юношей, и он не всегда пристойно вел себя, из-за чего я имел немало огорчений.

Я уговорил его поехать учиться в те края, куда его больше тянет, не думая, что мне придется потом в этом раскаиваться. Вот так он и очутился здесь. Однако не успел он еще добраться до места, как я заскучал и с того самого часа не знал покоя. Я написал ему сотию писем с просьбой вернуться, но никак не мог его уломать. В своих ответах он умолял меня не отрывать его от занятий, обещая делать блестящие успехи.

Феррарец. В самом деле, я слышал много похвал, которые расточали ему люди, достойные доверия, а среди школяров он пользуется отличной репутацией.

Филогоно. Я рад, что он попусту не тратил время. Тем не менее зачем мне его ученость, когда я столько времени в разлуке с ним. Окажись я на смертном одре без него, я бы умер в полном отчаянии. Нет, я уеду отсюда только вместе с ним.

Феррарец. Любовь к детям свойственна всем людям, но такая нежность присуща лишь женщинам.

Филогоно. Да, уж таков я. Скажу тебе еще, что главной причиной моего приезда были рассказы наших сицилийцев, которые в разное время сюда приезжали. Я спрашивался у них о сыне. Они говорили, что, когда были в Ферраре, слышали о нем самые лестные отзывы, но не видели его. Два-три раза заходили они к нему, всякий раз слуга говорил, что его нет дома. Ужель он был так углублен в свои занятия, что не мог хотя бы на короткое время оторваться от книг и побеседовать со своими земляками? Что же до ученья, то разве так можно: ни пить, ни есть и всю ночь бодрствовать? Он молод, тонкого воспитания, легко и помереть либо просто помешаться и вообще натерпеться всяких бед.

Феррарец. Все, что не знает предела, кроме добродетели, достойно осуждения. А вот дом, где живет Эрострато. Я постучу.

Филогоно. Стучи.

Феррарец. Никто не отвечает.

Филогоно. Постучи еще раз.

Феррарец. Думаю, что все спят.

Филогоно. Будь за дверью твой собственный отец, то и тогда с большим почтением ты не мог бы стучать. Давай я постучу. Эй, есть там кто-нибудь?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Далио, Филогоно, Лико, феррарец.

Далио. Что за дьявольский стук? Вы что, хотите дверь выломать?

Лико. Я думал, вы спите.

Филогоно. Где Эрострато?

Далио. Его нет дома.

Филогоно. Открой, мы хотим войти.

Далио. Ну, если у вас было намерение здесь приткнуться, то лучше откажитесь от него. У нас н так много чужеземцев, которые раньше вас приехали. Куда прикажете всех разместить?

Филогоно. Нечего сказать, примерный слуга может оказать честь любому хозяину. А кто там у вас поселился?

Далио. Филогоно из Катаньи, отец Эрострато, он нынче приехал из Сицилии.

Филогоно. Он будет там, как только ты ему отроешь. Открой!

Далио. Открыть-то нетрудно, да толк-то какой! У нас все комнаты заняты.

Филогоно. Кем же заняты?

Далио. Да вы что, оглохли, что ли? Я же сказал: Филогоно из Катаньи, отцом Эрострато.

Филогоно. Да ведь он только что прнехал?

Далио. Вот уже часа четыре, как он сошел у остерии «Корона». Лошади его и сейчас там находятся. Эрострато ходил в остерию и привел его сюда.

Филогоно. Мне сдается, что ты издеваешься надо мной!

Далио. А вы для вашего удовольствия заставляете торчать меня здесь и отрываете от моих занятий.

Филогоно. Да он пьян, собака.

Лико. Как будто. Разве ты не видишь, какая у него красная рожа?

Филогоно. А кто этот Филогоно, о котором ты говоришь?

Далио. О, это очень благородный человек, отец моего хозяина.

Филогоно. Где же он?
Далио. Да здесь, в доме.
Филогоно. А я могу его видеть?
Далио. Думаю, что да, если только ты не ослеп.
Филогоно. Попроси его сделать мне одолжение и
выйти сюда. Мне надобно с ним поговорить.
Далио. Сейчас позову.
Филогоно. Не понимаю, что все это значит.
Лико. Хозяин, мир велик. Ужель ты думаешь, что
на свете нет другой Катаньи и Сицилии, другого Фило-
гоно и Эрострато и даже другой Феррары? Может, это
вовсе не та Феррара, где живет твой сын и которую мы
ищем?
Филогоно. Не знаю, что и подумать, разве только,
что ты рехнулся, а тот пьян и не понимает, что говорит.
Осторожней, милый человек, не ошибись комнатою.
Феррарец. Неужели ты думаешь, что я, будучи зна-
ком с Эрострато из Катаньи, не знаю, что он живет имен-
но здесь? Не далее как вчера я его видел. Впрочем, я
могу тебе еще сказать: у него не такая пьяная физионо-
мия, как у этого слуги.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Сиенец, Филогоно, Лико, феррарец.

Сиенец. Что вам угодно, сударь?
Филогоно. Хотел бы я знать, откуда ты?
Сиенец. С твоего позволения, я сицилиец.
Филогоно. Откуда родом?
Сиенец. Из Катаньи.
Филогоно. А как зовут?
Сиенец. Филогоно.
Филогоно. Чем занимаешься?
Сиенец. Купец.
Филогоно. Какой же товар ты привез?
Сиенец. Никакого. Я приехал сюда, чтобы пови-
даться с сыном, который здесь учится. Вот уже два года,
как я его не видел.
Филогоно. А как зовут твоего сына?

Сиенец. Эрострато.

Филогоно. Так-так. Значит, Эрострато твой сын?

Сиенец. Именно так.

Филогоно. А ты Филогоно?

Сиенец. Филогоно.

Филогоно. Купец из Катаньи?

Сиенец. Странные вопросы. Не буду же я тебе лгать.

Филогоно. Нет, ты лжешь, ты мошенник и низкий человек.

Сиенец. Зря ты ругаешься; я тебя не знаю и не хотел оскорблять.

Филогоно. Ты гнусный плут, если выдаешь себя за другого человека.

Сиенец. Я тот, за кого себя выдаю. Зачем бы я стал тебя обманывать?

Филогоно. О боже, какая наглость, какое нахальство! Ты Филогоно из Катаньи?

Сиенец. Сколько раз надо тебе повторять? Я же сказал, что я и есть Филогоно. Почему это тебя так удивляет?

Филогоно. Вот уж не думал, что на свете существуют такие прощелыги. Ни ты сам, ни родители твои не могут сделать тебя мной. Разбойник, обманщик — вот ты кто.

Далио. Ужель я буду терпеть грубости, которые ты говоришь отцу моего хозяина? Коли сию же минуту ты не уберешься отсюда, я дам тебе по брюху этой палкой. Будь Эрострато здесь, плохо бы тебе пришлось! Расходитесь лучше по домам, господа, и пусть этот олух свистит себе на улице, пока язык у него не отсохнет!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Филогоно, Лико, феррарец.

Филогоно. Что ты обо всем этом думаешь, Лико?

Лико. Мне никогда не нравилось название «Феррара». Но то, что тут происходит, стократ хуже самого названия.

Феррарец. Ты неправ, отзываясь дурию о нашем городе. Те, кто позорят его, совсем не феррарцы. Это видно по ихговору.

Лико. Все вы виноваты, а особливо отцы города, которые позволяют творить этакое безобразие у себя под носом.

Феррарец. Что могут знать власти об этом мошенничестве? Ты думаешь, что они обо всем осведомлены?

Лико. Наоборот, думаю, что они очень мало осведомлены и неохотно вмешиваются в дела, когда не пахнет деньгами. Им надобно пошире открыть глаза и ушами не хлопать, как хлопают дверьми остерии в воскресный день.

Филогоно. Замолчи, дурак, занимайся своим делом

Лико. Боюсь я, коли бог не поможет, как бы мы оба не остались в дураках.

Филогоно. Что же нам делать?

Лико. Искать Эрострато, пока не найдем его.

Феррарец. Я вам составлю компанию. Прежде всего направимся в лицей. Если не найдем его там, поищем на площади.

Филогоно. Я устал, мне надо отдохнуть, а не бродить по улицам. Подождем его здесь. Интересно, где это он шляется?

Лико. Боюсь, как бы он не встретил еще одного Эрострато.

Феррарец. А вот он, вот... я вижу его вон там... Но куда он сворачивает? Подождите меня, я окликну его. Эй, Эрострато, Эрострато, ты что, оглох? О, Эрострато, вернись же...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дулипо, феррарец, Филогоно, Далио, Лико.

Дулипо. Видно, никуда тут не скроешься; приму беспечный вид, иначе...

Феррарец. Эрострато, из Сицилии приехал твой отец Филогоно, чтобы повидаться с тобой.

Дулипо. Это для меня не новость: я только что его видел и довольно долго пробыл с ним. Он приехал еще рано утром.

Феррарец. Но, судя по его словам, он тебя не видел.
Дулипо. А где же ты с ним беседовал?

Феррарец. Кажется, ты его не узнаешь. Погоди-ка, он идет сюда. Филогоно, вот твой сын Эрострато.

Филогоно. Этот человек — Эрострато? Да ведь мой сын выглядит совсем иначе.

Дулипо. Кто этот милый человек?

Филогоно. Господи, да это, никак, Дулипо, мой слуга!

Лико. Не узнаешь его?

Филогоно. Ты что напялил на себя такую длинную одежду? Может, Дулипо, и ты принялся за ученье?

Дулипо. Кому это он говорит?

Филогоно. Ты что, не знаешь меня? Как ты разговариваешь со своим хозяином?

Дулипо. Это ты ко мне обращаешься, благородный человек?

Филогоно. О боже, до чего я дожил! Этот негодяй делает вид, что не знает меня. Ты Дулипо, или, может, я ошибаюсь?

Дулипо. Разумеется, вы по ошибке принимаете меня за Дулипо, меня зовут совсем не Дулипо.

Лико. Хозяин, разве я не говорил тебе, что мы в Ферраре? Хороша же верность твоего слуги Дулипо, который отрицает, что знает тебя! Он перенял здешние нравы.

Филогоно. Молчи ты, черт бы тебя побрал!

Дулипо. Спроси у любого из местных жителей, здесь нет ни одного порядочного человека, который не знал бы меня. Ты, который привел сюда этого чужака, скажи, кто я?

Феррарец. Ты Эрострато из Катаньи, и я слышал, что тебя так все называют с той самой поры, как ты прибыл сюда из Сицилии.

Филогоно. О боже правый, сегодня я сойду с ума!

Дулипо. Не сомневаюсь, что ты уже свихнулся.

Лико. Хозяин, разве ты не видишь, что мы находимся среди бандитов? Тот, которого мы считали нашим другом и советчиком, в сговоре с этим шарлатаном утверждает, что он и в самом деле Эрострато, а не Дулипо, мой собрат.

Феррарец. Напрасно ты меня обижаешь. Я никогда не слышал, чтобы этого человека называли иначе, чем Эрострато из Катайи.

Дулипо. Как же ты мог слышать, чтобы меня называли иначе, раз это мое собственное имя? Но какой же я ослуп, что слушаю речи этого старика, он, по-моему, совсем спятил.

Филогоно. Ах, чертов сын! Ах, разбойник! Ах, предатель! Так-то ты встречаешь своего хозяина! Говори, что ты сделал с моим сыном?

Далио. Эта собака все продолжает лаяться? И ты терпишь, Эрострато чтобы он тебе грубил?

Дулипо. Убирайся-ка лучше восвояси, болван. Что ты собираешься делать с этим камнем?

Далио. Размозжить голову этому злующему старикашке.

Дулипо. Положи на место камень и марш домой. Не будем обращать внимание на браиь старика. Надо иметь уважение к его летам.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Филогоно, феррарец, Лико.

Филогоно. К кому же мне обратиться, у кого искать защиты, ибо человек, которого я воспитывал, как родного сына, предает меня и делает вид, что меня не знает? А ты, которого я взял в качестве провожатого и считал другом, ты заодно с моим злодеем слугой? Ты даже не питаешь почтения ко мне, как к чужестранцу, попавшему в беду. Побойся бога, он справедливый судья! Сперва ты фальшиво свидетельствовал, что этот человек Эрострато, между тем как весь свет признает его за Дулипо...

Лико. Ну, коли все здешние свидетели таковы, можно доказать все, что угодно.

Феррарец. Сударь, с тех пор как человек этот приехал сюда, уж, право, не знаю откуда, его всегда называли Эрострато и считали сыном Филогоно из Катайи. Так это или не так, предоставляю судить вам, а также

тем людям, которые его знали еще до того, как он появился в нашем городе. Человек, считавший его за того, за кого он себя сам выдает, ни против бога, ни против людей не грешит и не является лжесвидетелем. Я утверждал лишь то, что слышал от других, и сам в это верил.

Филогоно. О горе мне! Тот, кто был приставлен к моему дорогому Эрострато как слуга и охранитель, либо предал, либо убил моего сына. Он сделал из него оружие своих низких целей и не только получил его одежду, книги и все необходимое для жизни, что я ему присылал из Сицилии, но и присвоил его имя, дабы без помехи воспользоваться в своих интересах баиковскими векселями и кредитами, которые я предоставил сыну. О злосчастный, жалкий Филогоно! О несчастный старик! Ужели в этом городе нет ни судьи, ни правителя, ни стражи, к которым я бы мог обратиться?

Феррарец. У нас есть и судьи, и стражи, и мудрейший правитель. Не беспокойся, ты всегда добьешься справедливого решения, если дело твое правое.

Филогоно. Заклинаю тебя, води меня к герцогу, или к судьям, или к кому угодно. Я расскажу о величайшем мошенничестве, о величайшей несправедливости, об ужасном злодеянии, которое когда-либо совершалось на земле.

Лико. Хозяин, для того, кто собирается затеять тяжбу, нужны, как тебе ведомо, четыре условия: прежде всего основание, потом ходатай по делу, затем протекция и, наконец, тот, кто ее окажет.

Феррарец. Протекция? Я что-то не слышал, чтобы о ней упоминалось в законах.

Филогоно. Да не слушай ты его, у него не все дома.

Феррарец. А скажи, Лико, что же значит «протектор»? Или это тот, кто оказывает протекцию?

Лико. Протектор — это значит покровитель, который будет хлопотать о твоём деле. И если оно выигрышное, он быстро доведет его до конца, а если проигрышное — начнет дело откладывать и затягивать, так что из-за бесконечной волокиты измотанный и усталый противник твой уступит или пойдет на мировую.

Феррарец. Ну, в этом случае, Филогоно, хотя у нас такого и не случается, я тебе помогу, можешь не со-

миеваться. Я сведу тебя к адвокату, который сделает все, что нужно.

Филогоно. Значит, ты хочешь отдать меня на съедение крючкотворам адвокатам и судьям, чью ненасытную алчность я не буду в состоянии удовлетворить, тем более что нахожусь на чужбине. Увы, я слишком хорошо знаю их повадки! На первых порах мне обязательно пообещают, что дело будет выиграно, а потом, когда я окончательно договорюсь, найдут тысячу отговорок, начнут жаловаться, что я плохо осведомил их о деле; и все это не только для того, чтобы дочиста опустошить мой кошелек, но и весь мозг из костей высосать.

Феррарец. Тот человек, которого я имею в виду, наполовину святой.

Лико. А наполовину сам черт!

Филогоно. Правильно говоришь, Лико. Я тоже не очень-то доверяю этим хайжам.

Феррарец. Допустим, ты прав; может быть, он и вовсе не святой человек. Однако ненависть, которую он питает к Эрострато, то бишь Дулипо, заставит его, не считывая даже на твой карман, взяться за дело и добиться успеха.

Филогоно. А что за причина их вражды?

Феррарец. Любовь. Оба они претендуют на руку одной и той же особы, дочери нашего именитого горожанина.

Филогоно. Значит, этот продувной мошенник с помощью моих денег приобрел здесь такой вес, что осмеливается свататься к дочери местного богача?

Феррарец. Да как будто.

Филогоно. А как зовут его соперника?

Феррарец. Клеандро. Здесь он один из лучших докторов права.

Филогоно. Так отправимся же к нему.

Феррарец. Идем.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Д у л и п о, один.

— Ну и беда свалилась на мою голову! Прежде чем по-встречаться с Эрострато, я так глупо попался на глаза старому хозяину. Пришлось волей-неволей сделать вид, что я его не знаю, затеять с ним перепалку и наговорить кучу всяких дерзостей. А если дело обернется, как он хочет, и все образуется, он не забудет обиды и возненавидит меня на веки вечные. Поэтому я решил поговорить начистоту с Эрострато, отказаться от его имени и одежды и бежать без оглядки. Пока жив Филогоно, я никогда не вернусь в дом, где я воспитывался с детских лет. А вот, кстати, и Пазифило. Попрошу его передать Эрострато, что мне надобно с ним поговорить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

П а з и ф и л о, потом Э р о с т р а т о.

П а з и ф и л о. Сейчас мне сообщили две приятные новости. Одна — что Эрострато устраивает нынче вечером роскошное пиршество, другая — что он повсюду меня разыскивает. Чтобы избавить его от поисков, пойду-ка я сам к нему домой. Не хвастаясь, могу сказать, что там, где сладко пьют и едят, лучшего сотрапезника, чем я, в нашем городе не сыщешь.

Дулипо. Пазифило, если тебе не трудно, окажи мне одну услугу.

Пазифило. Приказывай все, что угодно. За тебя я в огонь и в воду. Что я должен сделать?

Дулипо. Сходи к Дамоне, постучи, спроси Дулипо и скажи ему...

Пазифило. И не проси, с Дулипо я говорить не могу.

Дулипо. Почему же?

Пазифило. Он связан и находится взаперти.

Дулипо. Как, в тюрьме?!

Пазифило. Да. Заперт в надежном чуланчике в доме своего хозяина.

Дулипо. Откуда ты знаешь?

Пазифило. Я там был.

Дулипо. Не может быть!

Пазифило. Истинная правда.

Дулипо. А за что?

Пазифило. Лучше не спрашивай. Довольно тебе знать, что он влип.

Дулипо. Пазифило, прошу тебя, умоляю, скажи — в чем там дело?

Пазифило. Полю, даже не проси. Да и зачем тебе это знать?

Дулипо. Для меня это необходимо, вопрос жизни и смерти.

Пазифило. Зато некоторым другим еще необходимее, чтобы я держал язык за зубами.

Дулипо. Ах, Пазифило, а я-то так верил тебе! Где же твои обещания?

Пазифило. А ты не думаешь, что мне, чтобы поскорей встретиться с тобой, пришлось нынче попоститься?

Дулипо. Давай так: либо ты мне все расскажешь, либо эта дверь навсегда для тебя заперта!

Пазифило. Твоя неприязнь для меня страшнее ненависти всех людей на свете. Но если сейчас ты услышишь вещи, которые тебе не придутся по вкусу, вини лишь самого себя, вини свое любопытство.

Дулипо. Даже моя собственная беда не ввергла бы меня в такое горе, как беда, свалившаяся на Дулипо. Худшей новости ты не мог мне сообщить.

П а з и ф и л о. Но раз уж ты требуешь, я поведаю тебе всю правду. Узнали, что он проводит ночи с твоей Полиместой.

Д у л и п о. О боже! И Дамоне это знает?

П а з и ф и л о. Какая-то старуха выдала Дулипо. Дамоне немедленно велел схватить его и кормилицу, которая была соучастницей в этом деле, и засадить их в такое место, где им придется горько каяться в своих преступлениях.

Д у л и п о. Пазифило, ступай в дом. пойди на кухню и прикажи приготовить кушанье, какое только пожелаешь.

П а з и ф и л о. Если бы ты предложил мне должность судьи магистрата, то и тогда, поверь мне, я не был бы так рад, как этому предложению! Мой аппетит делает его в сто крат ценнее. Лечу стрелой.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Д у л и п о, один.

— Я постарался как можно скорее сплавить Пазифило, чтобы он не видел моих слез, не слышал вздохов, готовых вырваться из моей груди! О злая судьба! Те невзгоды, что постепенно на протяжении многих лет претерпевает человек, могут сделать его достаточно несчастным, а тут за два часа, о судьба, ты обрушила на мою голову все беды зараз! Им не видно конца. Я предвижу, что ты уготовила мне еще худшие муки, бесчисленные и тяжкие. Моего хозяина, который даже в свои молодые годы никогда не покидал Сицилии, теперь на старости лет ты забросила в самую Феррару. И забросила как раз в тот момент, когда он менее всего был нам нужен. Ты так ловко управляла ветрами, то поднимая бурю, то укрощая ее, что старик именно сегодня прибыл сюда! Тебе мало было связать меня по рукам и ногам, чтобы держать в тайне любовную интригу Эрострато? Ты скрывала ее два года до этого таинственного часа, чтобы обнаружить ее именно в этот злополучный день. Ах, что могу сделать я, несчастный! Сейчас нет времени придумывать разные хитрости. Промедление на час, на мгновение уже губительно, ибо

помощь Эрострато может запоздать. В конце концов, надо найти моего хозяина Филогоно и рассказать ему всю историю начистоту. Пусть он немедленно найдет способ спасти своего бедного сына. Так будет лучше всего, так я и поступлю, хотя глубоко уверен, что меня ожидают самые тяжелые испытания. Любовь, которую я питаю к молодому хозяину, и мой долг обязывают меня без всяких колебаний спасти ему жизнь даже ценой величайшего моего унижения. Но что же делать дальше? Идти искать повсюду Филогоно или ждать его здесь, пока он не вернется? Если он повстречает меня на дороге, то поднимет крик и не станет слушать. Вокруг соберется народ, и шуму будет немало. Пожалуй, лучше я немного подожду его здесь. А уж если он не вернется, отправлюсь на понски.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П а з и ф и л о, Д у л и п о.

П а з и ф и л о. Все готово, но кушанья не ставят на огонь, пока мы не сядем за стол. Все идет как по маслу, а не будь меня на кухне, произошел бы величайший коифуз.

Д у л и п о. Что же случилось?

П а з и ф и л о. Ты послушай только. Далио хотел наизать на один и тот же вертел дроздов и говяжье филе и зажарить их вместе. Он не имел ни малейшего представления, что филе жарится медленно, а дрозды мигом.

Д у л и п о. Полно тебе, не такой это большой коифуз!

П а з и ф и л о. Куда же хуже: оставь я на вертеле дроздов, они были бы сожжены и засушены, а сними вертел раньше, пришлось бы есть полусырым говяжье филе.

Д у л и п о. Ты рассудил разумно.

П а з и ф и л о. Если хочешь, я пойду куплю апельсинов и оливок, без них пир не в пир.

Д у л и п о. Не сомневайся, ни в чем нехватки не будет.

П а з и ф и л о. После того как он узнал о проделках Дулипо, стал каким-то чудным и капризным. На него столько бед сразу навалилось, что он совсем ошалел. По мне, пусть околеваает, если хочет. Нынче вечером я ужи-

наю у него, а до остального мне дела нет. А вот, янкак, Клеандро сюда идет? Отлично, мы ему водрузим на голову шлем с парочкой рогов. Не сомневаюсь, что Полимнеста будет принадлежать ему. Разумеется, Эрострато, узнав от меня о Дулипо, не будет к ней свататься.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Клеандро, Филогоно, Пазифило, Лико.

Клеандро. Как же ты можешь доказать, что этот человек не Эрострато, когда все вокруг говорят обратное? Как же ты можешь быть Филогоно из Катайи, когда тот, другой, пользуясь свидетельством мнимого Эрострато, это отрицает и самым упорнейшим образом утверждает, что именно он есть тот, за кого себя выдает.

Филогоно. Я хочу обратиться к судебным властям и просить немедленно послать в Катанью гонца — за мой счет, понятно. — и вытребовать оттуда двух-трех достойных доверия людей, которым хорошо известны и Филогоно и Эрострато, и пусть они рассудят, кто из нас Филогоно — я или тот обманщик, а также действительно ли это настоящий Эрострато или наглый плут, мой слуга Дулипо.

Пазифило (в сторону). Низкий поклон ему!

Клеандро. Правда, это будет тянуться долго и стоить весьма дорого, однако же необходимо сделать именно так, ибо я не вижу лучшего выхода.

Пазифило. Бог да дарует тебе радость, мой единственный господин!

Клеандро. А тебе воздаст по заслугам!

Пазифило. Мне же дарует твою милость на вечные времена.

Клеандро. Веревку он дарует тебе, чтобы ты повесился, обжора, разбойник — вот ты кто!

Пазифило. Ну, что я лакомка — согласи, но разбойником никогда не был. Ты неправ, ругая меня. Ведь я твой преданнейший слуга.

Клеандро. Не хочу тебя видеть ни слугой, ни другом.

Пазифило. Чем же я тебе так насолил?

Клеандро. Ступай лучше на виселицу, гнусный предатель!

Пазифило. Ах, Клеандро, нельзя ли потише?

Клеандро. Отомщу тебе, будь уверен, пьяница, про-
дунная бестия!

Пазифило. Я что-то не помню, чтобы когда-нибудь
тебя обидел.

Клеандро. Ты об этом узнаешь, когда наступит
время. Убирайся вон отсюда, кровопийца!

Пазифило. Однако, Клеандро, я ведь не раб твой.

Клеандро. Ты еще смеешь открывать свою пасть,
грабитель! Вот я тебя!..

Пазифило. Черт возьми! Я уж столько всего натер-
пелся... что ты можешь мне еще сделать?

Клеандро. Что сделать? Если бы я не остерегался,
трус...

Пазифило. Между прочим, я такой же порядочный
человек, как и ты.

Клеандро. Ты бессовестно лжешь, висельник!

Филогоио. Ой, не приходите в такую ярость.

Пазифило. Уж не собираются ли меня побить?

Клеандро. Придет время — я до тебя доберусь.
Оставь меня, оставь...

Пазифило. Ну, бог с тобой, не хочу больше спорить.

Клеандро. Ступай же. Я не я буду, коли не проучу
тебя как следует.

Пазифило. Какого черта ты можешь мне сделать?
В конце концов, я гол как сокол, и чего же мне бояться,
коли ты затеешь со мной тяжбу?

Филогоио. Ты слишком разгневан.

Клеандро. Это злодей... Но продолжим разговор,
вериемся к нашим делам. Я не успокоюсь, пока не пошлю
его на виселицу, как он того заслуживает.

Филогоио. Ты взволиован и не будешь меня слу-
шать.

Клеандро. Нет-нет. Рассказывай же о своих делах.

Филогоио. Вот я и говорю — послать бы в Ка-
танью и чтобы там...

Клеандро. Так-так. Я все понял. Но как же случи-
лось, что этот прощелыга — твой слуга, и откуда ты его
взял? Расскажи-ка мне обо всем поспокойнее.

Филогоно. Так вот слушай. В ту пору, когда неверные взяли Отранто...

Клеандро. Увы! Ты мне напоминаешь о моем горе...

Филогоно. Как?

Клеандро. Я покинул тогда ту землю, которая была моей родиной, и столько там потерял, что никогда уже не надеюсь вновь вернуть.

Филогоно. Я глубоко сожалею об этом.

Клеандро. Продолжай же.

Филогоно. В то время наши сицилийцы на трех хорошо оснащенных галерах пересекали море, выслеживая одно турецкое судно, которое после взятия Отранто с богатой добычей держало курс на Валону.

Клеандро. Наверняка добрая часть награбленного принадлежала мне.

Филогоно. Наши пустились за ним в погоню, вступили с турками в рукопашную и в конце концов захватили судно и вернулись в Палермо. Среди разных вещей, которые продавались потом на базаре, продавался и мальчик лет пяти-шести.

Клеандро. О я несчастный, мальчика в таком же возрасте я оставил в Отранто.

Филогоно. В то время я как раз был в Палермо. Мне понравилась наружность мальчугана, и я купил его за двадцать четыре дуката.

Клеандро. Это был турецкий мальчик, или неверные похитили его в Отранто?

Филогоно. Да, как будто его привезли оттуда. Но какое это имеет значение? В конце концов, я его купил за собственные деньги.

Клеандро. Меня не это интересует. О, будь он тот, кого я хотел бы увидеть!

Филогоно. А кого бы ты хотел увидеть?

Лико. Да он издевается над нами. Однако подождем.

Клеандро. Его звали Дулипо?

Лико. Хозяин, будь осторожнее.

Филогоно. Что ты там несешь всякий вздор, нахал? Его звали не Дулипо, а Карино.

Клеандро. Карино было его имя? О боже, ты можешь сделать меня сегодня счастливейшим из смертных! Почему же ты изменил ему имя?

Филогоно. Мы называли его Дулипо, ибо частенько, плача, он произносил это имя.

Клеандро. Теперь я почти уверен, что это мой сын по имени Карино. А Дулипо, которого он часто звал, был одним из моих слуг, он его кормил и был приставлен к нему.

Лико. Не говорил ли я тебе, хозяин, что мы попали в страну мошенников, а не в Феррару, как полагали. Этот человек, чтобы лишить тебя слуги, хочет, болтая всякие небывшие, выдать его за своего сына.

Клеандро. Я не привык говорить неправду.

Лико. Все на свете имеет свое начало.

Клеандро. Пусть, Филогоно, у тебя не будет ни малейшего сомнения, что я обманываю тебя.

Лико. Малейшего нет, а величайшее есть.

Клеандро. Придержи язык. Скажи мне, Филогоно, вспоминал ли когда-нибудь ребенок, откуда он родом, вспоминал ли он имя отца или матери?

Филогоно. Безусловно. Он мне говорил, но я, по чести сказать, запомнил.

Лико. Зато я помню.

Филогоно. Так скажи же.

Лико. Сейчас не скажу. К сожалению, он все узнал от тебя.

Филогоно. Скажи, если ты знаешь.

Лико. Да, я знаю, но скорее дам себе горло перерезать, чем скажу. Почему Клеандро первый всего не расскажет? Разве не ясно, что поступает он крайне осторожно?

Клеандро. Мое имя вам известно. Моя жена и его мать звалась Софрония. Я происхожу из рода дель Спьяджа.

Лико. Я всего этого не знал. Мне только хорошо известно с его слов, что имя его матери было Софрония. Однако весьма важно, согласен ли он с тобой и все ли тебе рассказал?

Клеандро. Мне не надобно теперь никаких явных доказательств. Это, без сомнения, мой сын. Вот уже восемнадцать лет, как я потерял его и тысячу раз оплакивал. На левом плече у него незрелой величины родимое пятно.

Лико. Диву даешься, если он об этом тебе сказал и ты это знаешь. Родимое пятно у него действительно есть; также имел он...

Клеандро. Спасибо, Лико, за добрые слова. Идемте же скорей к нему. О судьба, охотно прощаю тебе все, ибо нынче ты дала мне возможность обрести любимого сына!

Филогоно. А я не могу быть благодарен судьбе, ибо мне неизвестно, что случилось с моим сыном. А ты, которого я взял в качестве адвоката, будешь теперь действовать в пользу Дулипо и в ущерб мне.

Клеандро. Идем же, Филогоно, поговорим с моим сыном. Надеюсь, что и ты своего найдешь.

Филогоно. Идем.

Клеандро. Я вижу, что дверь открыта. Войдем без стука и не будем звать служанку.

Лико. Хозяин, остерегайся, когда войдешь внутрь. Уверен, что этот хитрец затеял все представление, чтобы навлечь на тебя какую-нибудь беду.

Филогоно. Как будто я могу беспокоиться о своей жизни, коли мой сын потерян для меня навсегда!

Лико. Мое дело было предупредить тебя. А теперь поступай как знаешь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дамоне, Пситерия.

Дамоне. А ну, поди сюда, бесстыжая сплетница. От кого, как не от тебя, Пазнфило мог все узнать?

Пситерия. Побойся бога, от меня он ничего не слышал. Он первый мне все рассказал.

Дамоне. Ты все врешь, негодница. Или ты мне скажешь всю правду, или я тебе кости перелому.

Пситерия. Коли ты считаешь, что я тебя обманываю, побей меня.

Дамоне. Где он тебе говорил?

Пситерия. Да вот тут, прямо на улице.

Дамоне. А ты как тут очутилась?

Пситерия. Я шла к монне Бьонде. Хотела поглядеть на полотно, которое она ткёт.

Дамоне. Почему это ему вдруг пришло в голову заговорить об этом именно с тобой, если не ты первая начала свои рассказы?

Пситерия. Он набросился на меня и давай ругать за то, что я все тебе рассказала. Я у него спросила, откуда ему это известно. Он мне ответил, что слышал наш с тобой разговор, так как находился в конюшине, когда нынче утром ты меня туда позвал.

Дамоне. Ну и несчастный же я! Что же теперь делать? Ступай-ка домой. Клянусь, что не сойду в могилу до тех пор, пока не вырву язык у одной из этих трещоток. Но больше всего меня огорчает, что Пазифило все знает. Он ведь палец о палец не ударил, чтобы предотвратить случившееся. А случилось все потому, что я был слишком недалекновен. Тот, кто хочет сохранить в глубокой тайне секрет, не должен доверять его Пазифило. Поверьте, только весь честной народ да люди, имеющие уши, узнают, а больше никто! Теперь будут судачить об этом повсюду. Первым узнает Клеандро, Эрострато вторым, и так мало-помалу пронюхает об этом весь город. Ну и приданое я приготовил! Как же я выдам дочку замуж? Понистине я несчастнее самого несчастья! О боже, хотя бы то, что сказала мне Полимнеста, было правдой: что опозоривший ее человек не низкого происхождения, каким он прикидывается, а, напротив, он хорошего рода и владеет у себя на родине огромным богатством. Будь правдой даже половина того, что она мне наболтала, я почел бы для себя величайшей милостью выдать ее за него замуж. Но боюсь, что своей болтовней этот злодей Дулипо ее обманул. Хочу еще его допросить. Я сразу же смекну, что это — басня, которую он придумал, чтобы добиться своей цели, или сушая правда. А вот, никак, Пазифило выходит из дома нашего соседа. С чего это он так весел и прыгает, словно ошалелый, на дороге?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Пазифило, Дамоне.

Пазифило. О господи, дай мне застать Дамоне дома, негоже мне гоняться за ним по всему городу! Ибо тем временем награда и денежки могут улыбнуться. О счастье, кажется, это он стоит у двери.

Дамоне. Чего он от меня хочет? У тебя, Пазифило, видно, какая-то огромная радость приключилась, что ты так весел?

Пазифило. Твое благополучие — причина моей веселости.

Дамоне. Что же, наконец, случилось?

Пазифило. Я знаю, что ты весьма сокрушаешься о судьбе своей дочери.

Дамоне. Еще как!

Пазифило. Так знай же, что тот, кто тебя опозорил, — сын достойного человека, и тебе не стыдно будет навзвать его своим зятем.

Дамоне. Что ты знаешь о нем?

Пазифило. Отец его — Филогоно из Катайи. Как я знаю, он известен своим богатством. Он приехал из Сицилии и находится сейчас в доме нашего соседа.

Дамоне. Ты хочешь сказать, у Эрострато?

Пазифило. Наоборот, у Дулипо. До сей поры мы считали, что этот твой сосед и есть Эрострато. Однако это не так. Тот, которого ты засадил в свою домашнюю тюрьму и называл Дулипо, на самом деле носит имя Эрострато и является хозяином того, кто и есть настоящий Дулипо!

Дамоне. Значит, то, что мне сегодня рассказала Полиместа, правда?

Пазифило. Она тебе сказала то же самое?

Дамоне. Да, но я считал, что это все ложь и хитрость.

Пазифило. Нет, это чистейшая правда. Сейчас Филогоно придет сюда, и с ним Клеандро.

Дамоне. Как — Клеандро?

Пазифило. О боже, опять новая история. Клеандро узнал, что этот Дулипо, заставлявший называть себя Эрострато, — его сын, который при взятии Отранто был похищен неверными, а потом попал в руки Филогоно. Филогоно воспитывал его с детских лет, а затем вместе со своим сыном в качестве его слуги послал сюда. Более умопомрачительного происхождения на земле не сыщешь. Хороший сюжет для комедии. Сейчас все прибудет сюда, и ты сможешь узнать подробности.

Дамоне. Я хочу узнать от самого Дулипо — или теперь уже настоящего Эрострато, — как все это случилось. А потом уже буду разговаривать с Филогоно.

Пазифило. Вот и отлично, а я пойду задержу их немного. Да, кажется. они уже идут сюда.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Сиенец, Филогоно, Клеандро.

Сиенец. Да полно тебе передо мной извиняться. Хоть ты меня и хорошо пробрал, но ведь это были слова, а я особой цены им не придаю. И даже радуюсь, что без большого ущерба получил хороший урок. В следующий раз постараюсь быть осторожней и так, с бухты-барахты никому не верить. Тем более что интрига-то была чисто любовная и она весьма счастливо для меня закончилась, не вызвав ни малейшего возмущения. Если, Филогоно, я совершил что-то тебе не по душе, предадим все забвению.

Филогоно. Я горюю лишь о том, что понапрасну оскорбил тебя брачными словами.

Клеандро. Ну, об этом мы уже достаточно толковали и повторять излишне. Наступит день, когда тебе, Филогоно, невольный обман этот придется по душе. Ведь он будет служить темой для рассказов в сотне мест. И верь, Филогоно, что так нам было суждено небом. Ведь иначе ни я ничего бы не узнал о Карино, ни он обо мне. ибо, как тебе известно, между нашими домами пролегли ненависть и недоброжелательство.

Филогоно. Я знаю, что все произошло так, как ты говоришь, ибо ни один листочек не упадет с дерева без воли всевышнего. Однако поищем этого Дамоне. Каждый миг, который отдаляет мое свидание с сыном, кажется мне вечностью.

Клеандро. Идет. А ты, милый человек, оставайся дома с моим сыном. На первых порах не стоит о таких вещах говорить при стольких свидетелях.

Сиенец. Как вам будет угодно.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Пазифило, Клеандро, Филогоно,
Дамоне, Эрострато.

Пазифило. Я никак не могу взять в толк. Клеандро, чем я тебя обидел?

Клеандро. Теперь ясно, Пазифило, что я зря оскорбил тебя. Но один свидетель в моем доме, которому я поверил вопреки своей совести, вовлек меня в эту ошибку.

Пазифило. Я рад, что разум твой не был побежден хитростью. Но ты не должен был так легко верить и тем более говорить мне столько дерзостей.

Клеандро. Внезапно меня охватил такой гнев, что я не мог совладать с собой.

Пазифило. Подумаешь, гнев! Оскорблять публично порядочного человека, а потом объяснять все гневом? Хорошенькое оправдание!

Клеандро. Не сердись, Пазифило. Я твой друг, как и прежде, а случившееся лишь прибавит тебе житейского опыта и послужит хорошим назиданием. Завтра я жду тебя к обеду. А вот, кажется, и Дамоне выходит из дома. Дай мне первому с ним поговорить. Мы идем к тебе, Дамоне, чтобы радостью обернулась твоя печаль, которая, как мы знаем, терзала тебя весь этот злосчастный день. Мы спешим подтвердить тебе, что тот, которого ты считал до сего часа Дулипо, своим слугой, на самом деле сын этого благородного человека, Филогоно из Катайи, и он не только не ниже тебя по происхождению и богатству, как идет об этом молва, но даже превосходит.

Филогоно. Итак, я готов, насколько в моих силах, исправить поступок моего сына. Пусть же он будет твоим зятем, Дамоне. А если ты хочешь от меня еще чего-либо, я готов исполнить твое желание.

Клеандро. А я, просивший у тебя раньше руки Полмнесты, буду вполне удовлетворен, если ты отдашь ее сыну этого человека, которому она по годам, по питаемой к ней любви и по тысяче других причин больше подходит, чем мне. Я хотел жениться, чтобы оставить наследника. Теперь у меня в этом нет ни надобности, ни желанья, ибо сын мой, который был похищен из отчего дома и про-

даи в рабство, теперь нашелся. Подробности же я расскажу тебе на досуге.

Дамоне. Родства и дружбы с тобой, Филогоно, я по многим обстоятельствам должен искать не менее, чем ты со мной. Я их принимаю, ибо они мне дороже, чем все те, что были мне предложены и о которых я мечтал. Твоего сына я считаю своим зятем и сыном, а тебя — наилучшим моим родственником. — Сердце мое радуется еще больше оттого, что ты, как видно, Клеандро, весьма доволен. Я радуюсь за тебя, ибо ты обрел своего сына, о чем Пазифило уже подробно мне рассказал. Погляди же, Филогоно, вот твой желанный Эрострато, а это твоя невестка!

Эрострато. О отец!

Пазифило. О, сколь велика нежность отцов к своим детям! От радости Филогоно даже лишился дара речи. У него лишь катятся слезы из глаз.

Дамоне. Идемте же домой.

Пазифило. Отлично сказано: домой, домой, за стол!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Неббья.

Неббья. Хозяин, я принес кандалы.

Дамоне. Унеси их поскорей.

Неббья. Что же прикажешь с ними делать?

Пазифило. Ступай, забрось их туда, где их сам черт не найдет. Прощайте, любезные зрители. Выражайте смелее свое одобрение.

Занавес